

UDC 316

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING SOCIAL MOBILITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Savin Vladimir Nikolaevich,

Ural State Agrarian University,
Department of Management,
Ph.D., Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia

Fateeva Natalja Borisovna,

Ural State Agricultural University,
Department of Management
Ekaterinburg, Russia

Annotation

The article analyzes the various practical aspects of modern methods and logical approaches the study of social mobility developed in Russia and abroad. Particular attention is paid to the relationship of this aspect of the phenomenon of mobility is an adaptation, maladjustment. The concept of building a multi-level hierarchy of classification processes of adaptation and maladjustment in occupational mobility.

Key words:

Mobility, social mobility, the methodology of the social sciences, labor and professional mobility, adaptation, maladjustment.

УДК 316

МОБИЛЬНОСТЬ КАК СВОЙСТВО МАССОВОГО КОНФОРМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен «мягкой силы» («soft power») как ресурса глобального управления («global governance»), результатом которого является унификация ценностных предпочтений акторов мировой политики. Залог успешной имплементации «мягкой силы» связан с конформизмом, то есть, некритическим восприятием реальности, конструируемой под воздействием реального или опосредованного давления глобальных игроков.

Ключевые слова:

мягкая сила, глобализм, управление, конформизм, неолиберализм.

В стремительно меняющемся глобальном мире наблюдается тенденция роста социальных, культурных, политических взаимосвязей, интеграционные процессы становятся всё более интенсивными, что приводит к размыванию границ национальных государств и унификации ценностных предпочтений нового т. н. «глобального человечества». Морфология современного мира во многом определяется и является следствием идеологического доминирования либеральной парадигмы, выигравшей конкуренцию у марксизма в конце XX в., знаменуя символический «Конец истории». Утверждению либерализма в планетарном масштабе (при сохранении некоторых очагов сопротивления) способствовал, безусловно, ряд экономических и политических причин, однако проблематика форматирования сознания и декларирования массовой ориентации современного человека на либеральные ценности по-прежнему остаётся открытой.

Существует множество трактовок, которые тем или иным путём могут привести исследователя к ответу на вопрос, почему на рубеже XX и XXI вв. стала возможной реализация либерально-демократических идей, а адаптации их в странах с разным историческим и культурным наследием действительно поражают своими масштабами. В данном исследовании будет представлена версия, где в этом контексте основное внимание будет уделено проблематике конформизма как имманентного элемента политического сознания масс, а так же феномену мобильности, как свойству глобального конформизма.

Конформизм как феномен изменения поведения или мнения индивида вследствие реального или воображаемого давления большинства претендует на статус политического сознания группы в случае, если высшей ценностью, разделяемой ею, признаётся способность адаптации к внешним реалиям, вне

зависимости от их внутренних характеристик. Первоначально «конформизм» рассматривался в сфере социальной психологии, поэтому основные причины конформного поведения имеют соответствующую этим областям специфику. В первую очередь, настойчивое и упрямое поведение других людей может убедить человека в ошибочности его первоначального мнения, в случае если оно отличается от них [8; с. 299]. Во-вторых, любой член группы (осознанно или нет) стремится избежать наказания, порицания, осуждения со стороны группы за несогласие и непослушание. В-третьих, неопределенность самой ситуации, или неясность информации способствует ориентации человека на мнения других людей, которые становятся для него определенным и ясным источником информации [8; с. 299]. В целом, даже исходя из этих причин, можно сделать вывод о том, что в любом групповом взаимодействии эффект конформизма играет существенную роль, поскольку он не только влияет на выбор каждого члена группы, но и является одним из основополагающих механизмов принятия группового решения.

Согласно Э. Фромму политический конформизм во многом является продуктом «анонимных» властных отношений, которые функционируют по классической гегельянской формуле «Господство / Подчинение», где воля «Господина» выступает импульсом к реакции «Раба». На этом принципе во многом базировались и политические системы классической рациональности, не предполагающие множества центров принятия властных решений. Однако с размытием философских оснований сакральности власти в Новое время, стала наблюдаться тенденция к её постепенной плюрализации, в частности, посредством расширения источников власти за счёт разделения властей на несколько ветвей, конституционных ограничений и усиления роли частного и индивидуального над целым и коллективным.

В современном же высокотехнологичном мире возникают предпосылки выделить постиндустриальную форму конформистского сознания, обозначив её некоторые свойства:

мобильность, информационность, урбанизм. Данную возможность обеспечивает ряд факторов, среди которых следует отметить введение в политику новых экономических игроков и неинституциональных акторов, а также развитие сферы массовых коммуникаций. Их интенсивное воздействие на политический процесс привело к дальнейшему расщеплению его на микрополитические практики отдельных индивидов, осуществляемые на фоне законной деятельности классических институтов власти, которые постепенно подвергаются эрозии.

Все эти изменения были во многом запечатлены и подвергнуты анализу в контексте постнеклассического мышления. В частности, постмодернистами была предложена неординарная концепция «власти» (по М. Фуко), наглядно демонстрирующая подоплёку для подобных утверждений [11; 52]. Согласно М. Фуко «под властью необходимо понимать многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются...» [18; р. 122]. В связи с этим определением, любой властный ресурс рассредоточен в среде, то есть, в каждой точке пространства общественных связей, равно как и ресурсы сопротивления власти, между которыми происходит напряжение, которое, в свою очередь, и формирует силовые поля.

С подходом Фуко тесно связан и характерный для постнеклассической философии принцип «ризомы» («rhizoma» (лат.) – *корневище*), отрицающий любой намёк на иерархию, порядок, логоцентризм и утверждающий, что ни один из элементов, как в структуре политики, так и знания, ценностей, опыта не может претендовать на доминирующую позицию [10; с. 107]. «Ризома» декларирует на уровне своей природы, что доступ к ресурсу «анонимной» власти может быть неограничен для подавляющего большинства субъектов, и потенциально каждый индивидум может стать «агентом» (по П. Бурдьё), то есть действовать в политическом «поле» самостоятельно,

а не оставаться заложником спущенного ему «сверху» статуса. Более того, при грамотном расположении в силовом поле, такой «агент» способен пользоваться своей позицией по отношению к тем, кто расположен в нём менее выгодно, тем самым воспроизводя и преобразовывая само «поле».

Следствием того в постнеклассическое научное осмысление вопросов адаптивности человека к внешней среде было введено понятие *мобильности*, отражающее его способности к своевременному быстрому перемещению из одной точки социального пространства в другую его точку. Что касается самого термина, вне контекста данного исследования, то политическая наука обязана его разработке современному американскому социологу Дж. Урри, который выделял несколько толкований, в том числе буквальное, связанное, естественно, с физическим перемещением людей и вещей в пространстве [12; с. 75]. Ещё одна грань этого понятия отражает традиционно социологический смысл – «социальная мобильность», т. е. вертикальное перемещение агентов в поле, также возможно рассмотреть мобильность в горизонтальной плоскости, через вопросы миграции и другие виды полустационарного географического перемещения. Оригинальный взгляд на «мобильность» предлагает в книге «В движении» профессор Северо-восточного университета США Т. Крессуэл: он понимает её как «социальную грань жизни агента, насыщенную смыслом и властью, являющуюся продуктом социального времени и пространства» [16; р. 3].

В настоящем исследовании «мобильность» будет рассмотрена как одно из свойств постиндустриального массового конформистского сознания, что позволит сделать «этимологическая» трактовка данного термина, о которой также не следует забывать. В английском языке за словом «mobility» стоит подтекст «толпы» («mob»). Важно понимать тот факт, что «моб» не только обладает коллективным сознанием, то есть условием, в котором конформизм проявляется более наглядно, но он ещё и беспорядочно движется, не взирая ни на какие границы, пребывает в состоянии энтро-

пии, потому он «мобилен» и его необходимо регулировать, отслеживать социальным образом [12; с. 74].

Подход к осмыслению мобильной формы конформизма через призму «mob» открывает нам, как минимум, два её измерения: движения (movement) и его образа (representation of movement) [16; р. 160]. Несмотря на то, что эти составляющие весьма затруднительно разграничить на практическом уровне, поскольку обе они переплетены друг с другом, с теоретической точки зрения, необходимо иметь представление, сочетание каких компонентов даёт основание считать индивидуума «мобильным». Что касается первого из них – движения, то здесь мобильность предстаёт сугубо процессом преодоления пространства, фактом перемещения из одной его точки в другую, по причине чего компонент является исходным материалом «мобильности». Подобный ракурс «мобильности» обеспечивает её квантитативность, представляет этот феномен в виде, в котором он наиболее просто отслеживается и подвергается различным измерениям, на основании которых и формируется статистика. Тем не менее, без учёта образной составляющей «мобильности», никакие количественные данные не несут смысловой нагрузки в контексте анализа мобильности как черты одной из современных форм конформистского сознания. Поэтому нам куда более важен второй аспект, т. е. *репрезентация мобильности*, результатом которой становится конструирование в массовом сознании претендующего на первенство в дискурсе «мобильного человека» («*homo mobilis*»).

Вариативность смыслов, наполняющих собой понятие «*homo mobilis*» широка, поскольку «мобильным» может справедливо считаться и условный «беженец» (refuge), вынужденный менять места проживания под давлением внешних угроз (политической нестабильности, природных катаклизмов), и не менее условный «freelancer», движущийся в хронотопе между несколькими альтернативными проектами, меняющий гражданства, среду, руководствуясь мотивом личной выгоды. Обоих представителей данных социальных

типов можно записать в категорию «*mobilis*», однако в объективный факт движения этих персонажей вкладывается различная смысловая нагрузка, влияющая на массовое восприятие специфики «мобильности».

В то время как первый «социальный агент» – условный «*refuge*», может перемещаться по периферии своего поля и его позиции не являются привлекательными для других агентов этого или другого поля, «*freelancer*» воздействует на узловые точки поля, участвуя не только в перераспределении властных ресурсов, но и преобразуя его. Тем самым его модель поведения, преломлённая в сознании масс, становится примером сочетания свободы, успешности, благополучия, а значит, она может выступать «архетипом», к которому начинает стремиться современный индивидуум в борьбе за сферы влияния в поле. В связи с чем, в термине «*homo mobilis*» до некоторой степени прослеживается некая претензия на преформирование личности, как и в описании Г. Маркузе «одномерного человека».

Выявить некую общность «мобильного» и «одномерного» социально-политического типов может помочь обращение к смысловому эквиваленту этих концептов – фигуре «*das Man*», введённой в философский дискурс М. Хайдеггером в основополагающей работе «*Sein und Zeit*» [19; p. 126]. Термин «*das Man*» образован комбинацией от немецкого «*der Mensch*» («мужчина») и неопределённого местоимения «*man*», и перевести его на русский язык не так просто, поскольку это неологизм. Правильнее будет раскрыть сущностные характеристики этого концепта и через их описание выйти на заложенную в нём апологию конформизма. Наиболее близкой к «*man*» в русском языке является формообразующая единица «-ся» (*думается, считается* и т. д.), но у Хайдеггера, критиковавшего европейскую философию за её нигилизм, «*das Man*» становится субъектом, в том числе политическим. Он конституируется в повседневности как некая обезличенная персонификация, как некий центр, в котором никто конкретно не находится, но он выступает для периферии смыслообра-

зующим ядром [5; с. 266]. Выступая с этой позиции, *das Man* навязывает свои установки, делает их обязательными для принятия всеми, давит на индивидуальное сознание человека непоколебимым авторитетом, облакаясь в личину то «практического мышления», то «позитивного опыта», то «*conventional wisdom*» («общепринятые взгляды») и т. п. При этом *das Man* никогда не говорит «от самого себя», только от «всех вместе», но ни от кого в отдельности.

Такие типы, как «одномерный человек» Г. Маркузе и как продвинутый «*homo mobilis*» XXI в. приобретают массовый характер, поскольку сознание их, во многом, является продуктом «форматирования» личности *das Man*-ом. Вследствие этого можно утверждать, что и «*homo mobilis*» также во многом одномерен, поскольку он обладает универсальным комплексом заданных ему характеристик и даже черт характера, а также разделяемых им ценностей и убеждений. К примеру, для того чтобы индивид имел основания причислять себя к референтной группе «*homo mobilis*» он должен отвечать целому ряду универсальных требований. Он обязан владеть целым набором документов, позволяющих передвигаться в пространстве, пересекать границы государств, иметь связи с людьми, проживающими в удалённых локациях, благодаря чему места и сети поддерживаются регулярными визитами и коммуникацией [12; с. 362]. Помимо этого, *homo mobilis* характерно быстро передвигаться, обладать доступом к высокоскоростным средствам транспорта, отсутствие привязанности к конкретным локациям работы или проживания, но высокая степень зависимости от коммуникационных устройств и пунктов контакта. [12; с. 363].

Одной из важных черт, свойственных его конформистскому сознанию, является склонность к *спонтанному* принятию своевременных решений, что, как правило, находит выражение в категории «мобильного потенциала». Для того чтобы грамотно осмыслить природу этого потенциала, исследователь С. Кауфман ввёл сопутствующий термин *мотильность*, что следует трактовать как «ту возможность, которой

индивид обладает в сфере движения и которую он использует в своей деятельности» [21; 61]. Несмотря на то, что факторы, влияющие на уровень мотильности индивидуума, имеют, безусловно, и внешнюю природу, (доступность средств коммуникации), но решающей всё же является её внутренняя специфика: предрасположенность к быстрой, своевременной адаптации.

На этом основании, исследователями справедливо выделяется ещё одна форма капитала, не учтённая П. Бурдьё в его концепции средств, с помощью которых социальные агенты могут удовлетворять свои потребности, именно *мобильный капитал* («*mobility capital*») или *капитал подвижности*, ресурсом которого и является мотильность [12; с. 123]. Этот вид капитала имеет сугубо ризоматическую природу, многие его компоненты неуловимы, они заменяют друг друга и пребывают в беспрестанном движении. Поэтому *mobility capital* следует рассматривать относительно автономно от прочих, выделяемых П. Бурдьё (экономический, культурный, символический, т. п.), что не исключает общего для всех капиталов свойства конверсии, то есть способности одного капитала вливаться в другой. В сознании же современного человека, именно обладание «капиталом подвижности» кажется решающим в процессе борьбы за распределение ресурсов власти, поскольку он обеспечивает молниеносную реакцию на вызовы, позволяет преодолевать пространственные и временные ограничения и, кроме того, компенсировать недостаток другого капитала. Таким образом, врождённая или приобретённая мотильность является чертой постиндустриального конформистского сознания, и её нельзя недооценивать, несмотря на её сложное выявление на уровне эмпирического анализа.

В случае с *homo mobilis*, подвижность становится для него самоцелью, даже приобретает черты фетиша, и в наиболее ярких формах выражения, она трансформируется в *фетишизм движения*. Подобно тому, как «одномерный человек» развитых индустриальных обществ Маркузе формировался по ходу капиталисти-

ческих форм отношений, результатом чего был присущий ему фетишизм потребления, так и «фетишизм движения», является производным от новых средств мобильности и циркулирующих в «пространстве потоков» и сам способствует бурному росту новых мобильных форм и парадигм. Среди этих парадигм имеет смысл выделить *урбанизм* и *информационность*.

Одержимость человека *урбанизмом* имеет конформистский характер – она результат влияния *das Man*-а на сознание индивида. Кроме того сам мегаполис представляет среду, которая легко располагает к конформному мышлению и поведению, предпосылкой чего является полная анонимность «социального агента», которую он фактически гарантирует. Мегаполис как пространственно-временной континуум предполагает непрерывное движение индивида, постоянное пребывание в местах, способствующих обезличенной коммуникации. Такими местами становятся «узловые центры» пространства потоков (по М. Кастельсу), стремиться в которые «вынуждены» все, кто претендует на статус «*homo mobilis*». Пользуясь терминологией З. Баумана, ими могут являться «пожирающие места», такие как торговые центры, биржи труда, бизнес центры, торговые палаты, потребительские пространства, что одновременно являются одномерными [1; с. 107]. Спецификой таких мест становится преформирование личностей, стирание между ними различий, посредством «сближения» ценностных ориентаций на время пребывания в «пожирающем» пространстве [1; с. 107]. Чувство ложной общности, которое возникает в сознании людей, находящихся в «пожирающих местах», имеет конформную природу, так как оно основано на внешнем «воображаемом» давлении группы потребителей, за которыми стоит *das Man*.

Homo mobilis свойственно вступать друг с другом в сегментированные, сугубо функциональные отношения, они неспособны узнавать большинство людей, которых видят ежедневно, часто бывают равнодушны к девиантному поведению, их мышление имеет клиповый характер, поскольку только так мотильность по-

звонит им быстро переключаться с одной цели на другую с наименьшими потерями. Все эти качества делают их жизнь в современном мегаполисе максимально продуктивной, поскольку потребляя движение как товар, воздействуя на узловые точки потоков, они создают привлекательный образ «успеха и благополучия».

Информационная составляющая конформистского сознания масс стала производной доминирования «информации» над прочими формами знания, Парадигма, выдвинувшая информационный обмен в качестве универсальной ценности и товара потребления, апеллирует, прежде всего, к мотильности сознания homo mobilis, к его ризоматическому поиску. Homo mobilis легко преодолевает не только пространственную, но и временную разобщённость различных культур посредством электронной коммуникации взаимобмена, тогда как оригинальный культурный опыт различных сообществ остаётся привязанным к конкретной локации, спонтанность здесь строго ограничена. Кроме того, ценности этой виртуальной, сетевой культуры воспроизводятся в «пространстве потоков» намного быстрее и интенсивнее, чем своеобразной культуры исторического региона, они организованы в «одновременности», то есть в потоках информации, что конструируются безотносительно к опыту прошлого, как пишет Кастельс: «во вневременном ландшафте компьютерных сетей и электронных средств коммуникаций» [6; с. 449]. Таким образом, «реальность» проигрывает конкуренцию «информационной виртуальности», ибо она иммобильна, то есть, не способна к стремительной реакции на изменение конъюнктурных интересов, тогда как вторая предлагает индивиду homo mobilis универсальный, быстрый способ адаптации к среде.

Итак, мобильность современных обществ уже в значительной степени упрощает процесс отвлечения человека от традиционных ценностей, обращая их к установкам виртуальности. Электронные средства коммуникации сами не являются базисом этой системы, они только расширяют возможности «доступа» к разной информации, предлагающей инди-

виду, на первый взгляд, «альтернативные» варианты самоидентификации. С другой стороны, такой кажущийся плюрализм выбора оборачивается иллюзией в условиях контроля «потоков» на уровне элит, прокладывающих «русла» по своему усмотрению, преследуя собственные цели и властные интересы. Таким образом, разная по содержанию информация смешивается в одном и том же «гипертексте» – «русле потоков», «постоянно реорганизуемом и доступном в любое время и откуда угодно, в зависимости от Отправителей и склонностей получателей» [6; с. 450].

«Гипертекст», сконструированный компьютерными технологиями, что были ангажированы в процесс распределения власти ресурсов СМИ, в свою очередь, формирует из своих «адресатов» информационных конформистов. Последним характерна как информационная «всеядность», так пассивность и спонтанность восприятия, хаотичностью поглощения, а также терпимость к любому содержанию. [15; 117]. Информационный конформист «формально» образован, он даже может владеть внушительным объёмом информационных ресурсов, и, тем самым, иметь виртуальное преимущество над другими «агентами» в поле. Но на деле, иллюзия его «осведомлённости» – не более чем своеобразная «плата» элитам за его фактическое «неучастие» в реальном процессе распределения власти, так как его неограниченное потребление информации приводит к снижению духовных запросов, к расширению рамок его примитивного «потребительского» отношения к миру. Информационный конформист homo mobilis – инструмент, выгодный господствующей системе, поскольку управляем, внушаем и нетребователен, а, значит, с лёгкостью адаптируется к виртуальным символическим системам, вневременным и лишённым конкретного места. [15; с. 117]

Осмысление процессов мобильности сознания современного человека, порождающих его социальное и политическое отчуждение, является важным моментом в контексте вопросов политической социализации и адаптации к внешней среде, а значит, конформности.

Таким образом, не удивительно, что проблематика конформизма вновь оказывается во внимании политической философии, хотя, казалось бы, она уже успела стать частью прошлого, уйти в историю вместе с тоталитарными режимами, с которыми её традиционно связывали. Однако изменения, что претерпел мир в процессе ориентации на рельсы либеральной демократии, показывают, что появление новых форм «конформизма» – это закономерное явление. Так как степень идеологической интеграции современного человека в глобальное, единое пространство («one world»), где происходит процесс распределения власти, по масштабам может превзойти воздействие на массовое сознание классических идеологий XX в.

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – Москва: Логос, 2002. – 324 с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS, т. 1, вып.2? 1993. – с. 137–150.
5. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. – М.: Фонд «Мир», Академический проект, 2010. – 389 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. и под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: Высшая Школа Экономики, 2001. – 608 с.
7. Кожев А. Понятие Власти. М.: Практис, 2006. – 192 с.
8. Майерс Дж. Социальная психология. СПб.: Прайм – Еврознак, 2002. – 544 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / Американская социологическая мысль. Тексты / под редакцией В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
10. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.
11. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Российский Христианский Государственный Университет, 2001. – 239 с.
12. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Практис, 2012. – 576 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
15. Холодовская А.В. Конформизм современного общества, его виды и особенности проявления. Изд-во: Вестник Брянского Технического университета, 2009. № 1. – с. 112–122.

16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. – 342 p.
17. Cresswell T. Towards a Politics of Mobility. – African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. – p. 159–171.
18. Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. – London: Allen Lane, 1976–168 p.
19. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. – 443 s.
20. Kaufmann V. Motility: Mobility as capital / International Journal of Urban and Regional Research, 28 (4), 2004. – p. 745–756.
21. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology – Aldershot, Ashgate, 2002. – 110 p.

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / per. s angl. pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
2. Bauman Z. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshhestva / per. s angl. – M.: Ves' Mir, 2004. – 188 s.
3. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / per. s angl. pod red. L. Inozemceva; Centr issled. postindustr. o-va. – Moskva: Logos, 2002. – 324 s.
4. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' // Al'manax THESIS, t. 1, vyp.2? 1993. – с. 137–150.
5. Dugin A.G. Martin Xajdegger: filosofiya drugogo Nachala. – M.: Fond «Mir», Akademicheskij proekt, 2010. – 389 s.
6. Kastel's M. Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl. i pod nauchn. red. O.I. Shkaratana. – M.: Vysshaya Shkola E'konomiki, 2001. – 608 s.
7. Kozhev A. Ponyatie Vlasti. M.: Praxis, 2006. – 192 s.
8. Majers Dzh. Social'naya psixologiya. SPb.: Prajm – Evroznaк, 2002. – 544 s.
9. Markuze G. Odnomernyj chelovek / Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. Teksty / pod redakciej V.I. Dobren'kova. – M.: Izd-vo MGU, 1994. – 496 s.
10. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 400 s.
11. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. – SPb.: Rossijskij Xristianskij Gosudarstvennyj Universitet, 2001. – 239 s.
12. Urri Dzh. Mobil'nosti / per. s angl. A.V. Lazareva. – M.: Praxis, 2012. – 576 s.
13. Fromm E'. Begstvo ot svobody. – M.: AST, 2011. – 288 s.
14. Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek. – M.: AST, 2007. – 588 s.
15. Xolodovskaya A.V. Konformizm sovremennogo obshhestva, ego vidy i osobennosti proyavleniya. Izd-vo: Vestnik Bryanskogo Texnicheskogo universiteta, 2009. № 1. – с. 112–122.
16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. – 342 p.
17. Cresswell T. Towards a Politics of Mobility. – African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. – p. 159–171.

18. Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. – London: Allen Lane, 1976–168 p.
 19. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. – 443 s.
 20. Kaufmann V. Motility: Mobility as capital / International Journal of Urban and Regional Research, 28 (4), 2004. – p. 745–756.
 21. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology – Aldershot, Ashgate, 2002. – 110 p.

UDC 316

MOBILITY AS A PROPERTY OF MASS CONFORMIST CONSCIOUSNESS

Moysenko Yan Yurievich,

Institute of Philosophy and Law,
 Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Graduate student,
 Ekaterinburg, Russia,
 E-mail: yan.moissenko@mail.ru

Annotation

The article proposes soft power phenomenon as a source of global governance, aimed at unification of value orientations of world politics' actors. The guarantee of such a successful implementation of soft power technology is conformity of actors, their uncritical perception of reality, constructed under real or mediated constraint of global players.

Key words:

soft power, globalism, global governance, conformity, neoliberalism.

УДК 316.444.3 + 81'42 + 81'94

ПРОЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСА ВРАЖДЫ В ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИИ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ВЕРТИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
 Уральского отделения Российской академии наук,
 аспирант,
 Екатеринбург, Россия,
 E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

Дискурс вражды и вертикальную политическую мобильность можно соединить с помощью жанра автобиографии и мемуаров. Вертикальная мобильность порождает борьбу индивидуальную и коллективную за перемещение между политическими стратами. Наиболее удобно проследить сочетание дискурса вражды и вертикальной политической мобильности в автобиографических произведениях Б. Немцова. Они показали, что идеологические принципы влияли на дискурс вражды. Дополнительным фактором персональной вражды к государственным управленцам и населению стала нисходящая вертикальная мобильность.

Ключевые слова:

вертикальная политическая мобильность, дискурс вражды, жанр автобиографии.

Мобильность в современном мире представляет огромный интерес. Особенно важной для научного исследования является политическая мобильность. Основоположником теории мобильности можно считать П. Сорокина. Он сформулировал основные положения социальной мобильности. Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую [10, с. 236]. П. Сорокин делил мобильность на два типа: горизонтальную и вертикальную. Политика – это одна из форм вертикальной мобильности. Под каналами вертикальной политической мобильности П. Сорокин рассматривал политические

институты. Это могут быть общественные организации, политические партии. Стоит обратить внимание, что понятие мобильности используется преимущественно социальной наукой. П. Сорокин поднимает различные вопросы о стратификации и мобильности – в пространстве и времени нет однозначного направления на увеличение или уменьшение подвижности вертикальной мобильности. Эта подвижность меняется от времени, от пространства и от общества к обществу. Для операционализации своей теории П. Сорокин ввёл понятия интенсивность и всеобщность мобильности. Под интенсивностью понимается вертикальное количество слоёв, проходимое индивидом за определённое количество времени. Под всеобщностью вертикальной мобиль-